

ВАСИЛИЙ ВЕРЕЩАГИН

*Очерки, наброски,
воспоминания*

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
В31

Верещагин В.

В31 Очерки, наброски, воспоминания / Василий Верещагин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 326 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-08740-9

Василий Верещагин знаменит не только как художник-баталист, автор работы «Апофеоз войны», но и как талантливый литератор. Из-под его пера вышло 12 книг и множество статей как в отечественной, так и в зарубежной прессе. В настоящее издание вошли путевые заметки и бытовые зарисовки, впервые изданные в 1883 году в книге «Очерки, наброски, воспоминания», а также записные книжки художника.

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6**

ISBN 978-5-517-08740-9

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ОЧЕРКИ, НАБРОСКИ, ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗ РАССКАЗОВ КРЕСТЬЯНИНА-ОХОТНИКА

Новгородской губ., Череповецкого у.

«...Прежде оленей много было, нынче неизвестно для чего не стало; нынче лоси забегают, а пока олени были, не было и лосей, так, думаю, уж не эти ли выжили оленей-то. Олень траву ест да мох с елочек, а лоси-то вересняк да крушинник, да осинку или сосенку молодую гложет; коли осину стоячую или лежачую или сосняк мелкий гложут — значит, есть лоси, поэтому их и узнаешь. Олень-от допускает близко; когда так сажень на 20 подпустит, а лось и за полверсты учует человека. Прошлую зиму только одного лося убили мы с сыном; да ноги-то худ ходят, так я уж прочь отваливаюсь от этого дела, а вот в П*** много убили... Как можно! Лось крепко чутчее; где еще ты идешь, а ен уж убежал, так устрелить-то и хитро. Вот как двое али трое, так встричу заходят; один на след станет, да тут и стоит, а другой за ним идет; олень-то все по своему же старому следу и ходит, так мало ли, много ли постоишь, ен на тебя опять и выйдет. На лыжах все ходишь, лыжи-то иное положишь рядом, да и ползешь, на лыжах-то, с полверсты, да как близко подползешь, поднимешься да и убьешь. Одиново двух устрелил; сажень за 40 из оленя в оленя, так пуля скрозь и прошла: одному в грудь, через сердце — тут и ткнулся

и пяди не отошел, а другого в бок, поперек брюшины, тот убег, да с версту бежал — пал, да тут и издох.

А то еще с оленем шутка у меня была: лесом я шел, вижу я, лежит; ен было стал вставать — я с руки и хлоп, в шею попал, а ен и пал; в грудицу метил-то, да повернулся ен, так в шею попало; ну, как пал, я лыжи бросил, подбег, ножик выхватил да горло перерезал; пока стал ружье заряжать, запыхнул и пули еще не пустил, а ен как вскочит да как побежит; сажень десяток отбежал, да тут и бух, тут и мой стал. Каков? С перерезанным-то горлом!.. А то шел я раз серединами-то этими же, по следам. След есть, так, думаю, пойду все по следу; иду, да как вышел из лесу на ниву, ан они и идут мимо меня; артель шесть штук — и идут. Я ружье с плеч снял да с руки и пустил (больше-то все на сосну норовишь приладить да на два сука, это верней) — в самы пахи попал, и пуля скрозь перелетела, а ен и пал; я ружье опять стал заряжать, думаю, не настигну ли тех, эту ламу, думаю, убил — а ен вскочил да и убег, в заповедь убег, вон куды!.. Сажень 20 отбежит, да и ляжет; как я ему подходить, он вскочит и побежит; где полежит — на обе стороны кровь. Цельный день за ним ходил, ночью уж не пошел. На другой день пришел, думаю, не издох ли за ночь-то, а ен опять вскочил и побег; нельзя стрелять, да и что хошь, не подпускает! Почитай, к самому П***, к полям, выгнал его, тут лыжи-то бросил, на них лег да на брюхе на лыжах и пополз; как близко, сажень на 20, подполз, на ноги поднялся, ен меня увидел, тоже подниматься только стал, тут я с руки — так и чубурачился. Ты думаешь, ведь зверь, все хочется уйти! Двое суток вот за одним ходил; иное подшибешь, да как имет ен погуливать, так и бросишь. Далеко-то зайдешь, так

только и думаешь, как бы домой добраться; дома не знают, что с тобой и делается, не знают, что и думать!

И в кляпец (ловушку) оленей лавливал; этакий же, как зайцев что ловят, только большой, в полпуда будет (кляпцов у меня много: заячих штук двадцать, да волчьих с десятков будет). На ход на ихний поставлен был; ен попал да с кляпцом-то и ходит, волочит его, меня-то не подпускает — за им опять и пошел; так три денька ходил. Убить нельзя — далеко убегает; я бы уж и бросил, да кляпца-то жалко — кляпец-от пропадет с ним. Обошел уж, навстречу ему и вышел; ен идет да поедает, с елок да с сосен мошек ен все ест, да ко мне-то и подвигается, меня не видит; с рук я спустил — в задния ноги попал, да живого так на барский двор и привез, там и зарезали. Совсем живой! Как лежит, так и не знать, что подстрелен; пытала в те поры пенять барыня-то: „Ты бы, — говорит, — ухитрился бы как ни есть здорово доставить“. Да как тут ухитришься-то; пожалуй, не стреляй совсем, так и останется жив — ищи его после...

На лосей так вот у меня особенное, большое ружье, сажень на 50 пуль берет, только покрепче держи, как хватит! Сколько ведь и мимо свинцу-то летит! Случится, приложится некуда: сосны гладки, все равно что с руки; маленько с глазу-то ружье опустил — уж и мимо летит. Все ладишь на два сучочка класть ружье, тут как спустишь, так и чубурахнется...»

Олени действительно пропали из наших мест; прежде хаживали они стадами штук по тридцать, а нынче совсем их не видно стало. Некоторых зверей, как, например, волков и лисиц, стало больше; очень может быть, что волки выжили оленей. Зато с недавнего времени появившиеся лоси с избытком вознаграждают за

олений. Недавно у нас убили лося вышиною 3 аршина (до хребта), весом 15 пудов: одна задняя лопатка с жирным, вкусным мясом весила более 2 пудов. Насколько олень сухопар и поджар, настолько же лось крепок корпусом и ногами; осенью он походит телом на хорошо откормленную лошадь. Бегают лось очень скоро, не тише оленя, и с тем преимуществом, что не так скоро устает, как олень. Шкурки лосиные продаются здесь не дороже 3 руб. штука. Крестьяне пробовали отдавать кожу в обделку на сапожный товар; по общему отзыву, обувь из этого товара крепка и носится хорошо в сухое время, мокроты же не переносит, что, впрочем, могло происходить от дурной выделки кожи, так как сделан был только один опыт. Превосходные лосиные рога, которые бывают четвертей по 5-ти длиною, не находят себе употребления. Впрочем, лосей здесь не так много, чтобы можно было составить отдельный промысел из добывания их шкур, рогов и проч.

«...С большого Спасова дни начнет вот медведь похаживать, каждое лето сколько коров мнет. А. В. — покойник послал меня за медведем — корову подшиб верст за 5 всего: „Ступай-ка, — говорит, — покарауль, не можешь ли ушибить“. Я и сошел караулить, рано сошел, солнышко еще не закатилось — в сенокосное время было недосуг... Ну, да нельзя нейти... Вижу, идет медведь, ботает так, на гриву выходит, и падаль уж близко; ен же и подшиб корову, к ней и идет. Вересняк такой частый хрустит! Дух-то мой, вишь, учуял, так взял да и пополз; подполз совсем близко, да и зачал эдак вверх поглядывать; да меня понюхивать — тут и увидел меня, да и на дыбы встал, да как фукнет на меня!.. Что же ты, братец, думаешь, не взяло ружье;

в затравке, что ль, отсырело — на полке-то вспыхнуло, а выстрела нет. Ен вскочил да как побежит прочь!.. Всю ночь я сидел; бродит около, кругом, а близко не подходит; что делать-то, заряжено не для глупости было, да так вышло; а медведь хороший был, большой да жирный. Эти медведи ой какие лукавые! И не пришел бы ен, кабы я на ходулях сажен сотню не прошел: до следу человеческого как дойдет, так и поймет дело и поворотит. Иное идешь за птицей али без ружья, так думаешь, что, коли встречу-то, ведь он убьет. Вот с волками, так хоть и палкой иное справишься, а с медведем хитро, как сердит! В лес-от пошел раз, так на селище посередине моста — мост там такой большой — медведь идет, а ружья-то не было, за грибами ходил, так мостовину взял, да на него эдак и машу да рычу: „У! У, ты!..“ Остановился ен близко уж да застонул, да застонул, да в сторону и повалил.

Все больше его по ночам опасаясь. Ен прямо и к падали не пойдет, не одинаго обойдет: не прошел ли кто — прошел, так поворотит назад и идет в свое место. Тут надо одному ходить; в первый день, как корову зарезал, на ели или на чем случится тихим образом и сиди и не зевай; ружье-то обмой хорошенько, духу-то не давай; один вот только испугаешься, коли не привычен. Это, братец, за медведем ходить, так по книге Божией показано, что двенадцати сил надобно быть; только не разговаривай: и потихоньку что скажешь то-варищу — ен услышит, чүток! Тут уж на смерть идешь: убьешь — так убьешь, а не убьешь — так пропадешь. Мы хоть из-за оброка ходим; только и добычи, только тем и покормимся, а господа из-за чего ездят? Из-за потехи, поглядеть да потешиться — охота-то пуще денег...»

Кажется, старик преувеличивает опасность встречи с медведем. Я, правда, например, слышал, что здешних баб, когда они ходят за ягодами, медведь часто пугает, но чтобы какую тронул когда-нибудь — случается очень редко. Не знаю, справедливо ли поверье у здешних крестьян, что когда человек первый увидит медведя, то всегда может испугать и прогнать его; если же, наоборот, медведь первый заметит человека, то тут надобно ждать беды.

Вот несколько случаев из рассказов о встречах с медведем: «...Инде и кинется на человека, так если заденешь да бежать ему невмочь. Кое смелый человек, так за ним просто ходит; в Л*** вон старичонко один все колол, семнадцать медведей заколол, а охотничек и весь немудреный! Я вот за рябчиками ходил, гляжу, а ен морашевник (муравейник) и роет; как я эдак хрюкнул! Ен как повернется да вякнет! Да прочь от меня; гнал я его с версту. Все лесом бежал-то, болотом — так стрельнуть неловко, в топкое болото и ушел. Этта мужичонок пошел уток смотреть; медведя встретил да испугался, да присел, так и сидит, скорчился и молчит; а медведь-от заревел да на дыбы, да на дыбах-то вкруг него и ходит; ходил да ходил, заморил со страху-то, да так и ушел, не тронул».

«...Волк вот со мной дрался одиново: в кляпец попал да и пошел, и пошел; долго не мог настичь его — настиг, а ен, брат, драться со мной; смелому надо быть тут человеку; думал я, самого ен меня задавит. Ружья-то не было, а стяжочек (палка) в руках эдакой хорошенькой был; я замахивать стяжочком стал, а ен на задницу сел; кляпец-от, фунтов 12, поднял на лапе-то, да с ним так и стоит на дыбах, как мужик с образом,